

Орвицка с любопытством разглядывал открытые лавки. "Кому они могли продавать свои товары? Когда не будет посторонних, обязательно спрошу".

- Это все управляющие, которых я временно назначил. Это самые уважаемые люди Березового города из тех, кто остался после смерти прежних преступников, - Томас в общих чертах представил мужчин, снявших шляпы в знак приветствия.

- О... Здравствуйте, господа.

Хотя Орвицка улыбался и приветствовал их, на самом деле он не испытывал к этим людям никакой симпатии. "Пусть это и было предубеждением, но учитывая общую ужасную обстановку в Березовом городе, могли ли эти второсортные личности быть хорошими людьми? Скорее всего, просто подхалимы. По репутации они, возможно, уступали крупным злодеям, но их дела, вероятно, были еще грязнее".

Услышав объяснение Томаса и приветствие Орвицки, эти люди тут же обрадовались и наперебой стали представляться.

Орвицка продолжал улыбаться, кивая каждому, а затем вытащил Билла Батлери, которого оттеснили в толпу.

- Билл!

Эти типы еще и тайно толкались, пытаясь помешать Биллу протиснуться вперед. Если бы Билл был один, он, возможно, и не смог бы выбраться из этой толпы - хотя он и был главарем банды, но драться не умел. Однако рука Орвицки, казавшаяся не слишком сильной, удерживала их так, что они не могли сдвинуться с места. А когда он схватил Билла, то легко вытянул этого здоровяка к себе.

- Вы могли бы попросить вашего кучера отдохнуть где-нибудь, сэр! - сказал один из управляющих.

- Он мой партнер, просто у него есть хобби - самому править лошадьми. Итак, господин Батлери, как вам этот город? - спросил Орвицка.

- Отлично, просто отлично! - радостно сказал Билл.

Он, конечно, тайно наводил справки о Березовом городе и даже приезжал сюда лично. Он знал, что это за город. Два щегольски одетых королевских полицейских, конечно, были заметной целью. Но торговец мелочью, едущий на старой ослиной телеге, или бродячая уличная женщина, просящая кусок черного хлеба, - такие люди не привлекали внимания.

Билл знал о положении дел в домах этих людей, которые сейчас его оттесняли, даже лучше, чем Томас.

Орвицка посмотрел на радостного Билла и подумал, что этому парню скоро придется плакать.

"Если бы оборотни не пришли, мне пришлось бы назначить управляющими людей Билла. Возможно, я и оборотни по очереди приезжали бы сюда, проверяли бы, и если бы в целом все было в порядке, то и ладно. В конце концов, каким бы хорошим человеком Билл ни был, у нас с ним лишь некоторые общие интересы, мы не настоящие партнеры".

Кроме того, Билл и его люди были совершенно необразованны. Дело было не в том, что Орвицка их презирал, просто некоторые вещи, которые он хотел сделать, нельзя было доверить им - результат определенно не оправдал бы ожиданий.

"Теперь же прибыли оборотни. Даже если они калеки, но пока у них оставался хоть один палец, люди не могли с ними сравниться. Они станут моими лучшими представителями".

Потому что, насколько Орвицка знал оборотней, их стремления совершенно отличались от человеческих. Если положить на стол золотой герб и ячменный сироп, эти пушистые существа наверняка выберут сироп - и дело было не в том, что сейчас сироп был дороже золотого герба того же веса.

Они были образованы, прошли военную подготовку. И эти покалеченные оборотни наверняка будут бояться возвращения больше, чем Анка и его группа. Они будут беспрекословно выполнять приказы Орвицки.

"Пусть Билл порадует пару дней. По крайней мере, он должен успеть объявить всем о найме работников. Это нужно для того, чтобы он не подсунул стариков, больных, немощных, хулиганов и бездельников при отборе".

- Сначала посмотрим дома. В этом году новые построить уже не успеем, так что

новоприбывшие могут временно поселиться в пустующих домах, - предложил Орвицка. Никто не возражал.

Пустующие дома - это жилища тех "больших шишек" города, которых Орвицка уничтожил. Уходя, они, конечно, заперли двери. Орвицка ожидал, что дома уже обветшали, или, по крайней мере, у них выбиты окна и двери, а мебель вынесена. Но дома оказались в отличном состоянии. Снаружи даже шторы висели на своих местах.

- Это собственность господина, мы, конечно, должны были хорошо ее охранять для вас, - сказал один из управляющих.

- Да-да, мы организуем патрулирование этих мест, никто не посмеет приблизиться! - добавил другой.

- Большое спасибо, - Орвицка улыбнулся, прищурившись. "Только что был "господин", а теперь уже "хозяин". Благодарность Орвицки была вполне искренней. Раз мебель цела, оборотням будет удобнее заселяться.

Орвицка осмотрел и несколько лавок. По сравнению с хорошо сохранившимися домами, лавки выглядели немного... пустоватыми. Например, в той сырной лавке, где Орвицка покупал масло в прошлый раз, исчез даже прилавок.

Томас взял на себя ответственность за это.

- Это я велел жителям деревни забрать товары. В конце концов, если бы они остались здесь, то либо испортились бы, либо достались крысам.

"Понятно. Хотя розданные вещи стоили немало, но раз никто не мог остаться здесь присматривать, их все равно бы растащили. Лучше было раздать сразу. То, что мебель в домах не растащили, отчасти было и заслугой этой раздачи".

Орвицка продолжал улыбаться и кивнул Томасу.

Осмотрев лавки, все вернулись к дому мэра - в его конюшне были лошади, коровы и ослы.

Далее им предстояло верхом осмотреть земли, пастбища и виноградник. Управляющие уже

любезно подготовили лошадей. Двое из них должны были сопровождать их в качестве проводников.

Орвицка и Томас сели на лошадей - Орвицка не умел ездить верхом, но его прежние тело умело. В их общественной школе верховая езда была одним из предметов, это была мышечная память. А вот Билл Батлери стоял рядом с высокой лошастью, растерянно переминаясь с ноги на ногу. Выросший в городе гангстер во втором поколении, он отлично правил повозкой, но верхом ездить не умел.

Томас остановил лошадь рядом с Биллом.

- Садись, я тебя подвезу.

Честно говоря, Билл поначалу немного презирал этого офицера, говорившего как баба, но сейчас он был ему действительно благодарен.

- Не обнимай меня за талию, держись за седло, - однако, как только Билл сел на лошадь, Томас шлепнул его по руке. Билл решил забрать свои слова благодарности обратно.

Для человека, не умеющего ездить верхом, сидеть на голом крупе лошади без стремян, держась лишь за заднюю луку седла, было крайне небезопасно.

Особенно когда лошадь побежала, Биллу стало еще страшнее, и он инстинктивно обхватил Томаса за талию.

По дороге Орвицка видел, как Томас несколько раз отталкивал руку Билла, но в конце концов Томас сдался и с каменным лицом позволил себя обнимать. Очевидно, Томас сильно жалел, что предложил Биллу ехать вместе.

- Господа... урожай в этом году у нас не очень хороший, - сказал один из проводников.

Сейчас была самая пора сбора урожая. Проезжая по тропинке, можно было видеть крестьян, усердно работающих в пшеничных полях.

Издали пшеничные поля выглядели красиво, но вблизи даже Орвицка, не разбирающийся в сельском хозяйстве, понял, что урожай будет плохим. Пшеница росла неравномерно: где-то густо, где-то редко. В одном колосе было всего семь-восемь зерен, а в некоторых и вовсе два-три.

Крестьянская семья, занятая сбором урожая, увидев их, тут же бросила работу и опустилась на колени у дороги. Одна из молодых девушек низко натянула платок. Жизнь горожан была достаточно тяжелой, но по сравнению с ними эти крестьяне жили словно в другой эпохе.

- Урожай действительно плохой, - мужчина, сказавший это, видя, что Орвицка замедляет лошадь, тут же спрыгнул, выдернул несколько колосьев из стога у дороги. - Посмотрите сами, пшеница тоже плохая, больше половины не годится для помола в муку!

- Не годится для помола? - Орвицка впервые слышал, что бывает пшеница, которую нельзя смолоть в муку. Он думал, что разница лишь в количестве урожая.

Он взял колос, пощупал несколько зерен и понял, что имел в виду мужчина.

Даже те зерна, что казались созревшими, на самом деле были сморщенными. Некоторые зерна, хоть и не сморщенные, легко крошились при нажатии, обнажая серые крупинки внутри.

Орвицка лизнул серую крупинку - вкус муки, но у свежей пшеницы не было аромата новой пшеницы, наоборот, она была терпкой и горькой. Мука, которую Орвицка купил в мучной лавке на улице Длинной Канавы сразу после перемещения, имела такой же вкус, и вся мука там была не белой. Он думал, что мука отсырела из-за неправильного хранения, или в нее подмешали старую, или мельница была грязной. Оказалось, нет.

Это и был цвет и вкус свежей пшеницы.

- Это что, не рожь?

- Нет, господин, это пшеница, - мужчина немного разволновался. - Это действительно пшеница.

Орвицка впервые посмотрел на него по-настоящему. Его вопрос был скорее риторическим восклицанием. Он ел рожь и, конечно, знал, что у нее другой цвет и вкус. А этот человек искренне переживал за крестьян.

- Как вас зовут?

- Меня зовут Джон Фамила, к вашим услугам, господин, - мужчина, на лице которого еще не прошла тревога, поклонился Орвицке.

- Садитесь на лошадь, нам сегодня еще многое предстоит увидеть, - кивнул Орвицка.

Фамила был немного разочарован, но не смел ослушаться Орвицки. Поклонившись, он сел на лошадь. А другой мужчина, сопровождавший их в качестве проводника, наоборот, оживился и принялся наперебой рассказывать Орвицке о землях этого города.

Земли, принадлежащие Орвицке, были обширны - из тех, глядя на которые, говорят: "Видит око, да зуб неймет". Лишь небольшая часть была занята полями, огородами, виноградниками и прудами. Виноград собирали в августе, и из него уже сделали вино. Винокурня находилась рядом с виноградником. Прибыв туда, Орвицка даже открыл бочку на пробу.

На вкус Орвицке вино не очень понравилось.

Остальные огромные территории были покрыты лесом.

На этих обширных землях, принадлежащих Орвицке, жили еще с десяток самостоятельных крестьян, вроде отчима Феймана. По сравнению с владениями Орвицки, их участки были крошечными, как кунжутные семечки на лепешке. Эти люди боялись Орвицку и его спутников еще больше, чем наемные работники, и в основном прятались, завидев их издали.

Около четырех часов дня Орвицка и его спутники вернулись в город. Временные управляющие тут же окружили их.

- Мне пора ехать. Вы хорошо управляли этим местом, большое спасибо. Я знаю, что зимой городу нужно платить налоги. В следующий раз я привезу деньги для уплаты налогов.

Все временные управляющие просияли, только у одних в глазах читалась жадность и самодовольство, а у других - облегчение и благодарность, как, например, у Джона Фамилы.

"Похоже, в этом городе все же есть люди, на которых можно положиться".

Снова сев в легкую карету, на этот раз только с Томасом, Орвицка смог задать некоторые вопросы.

- Я все еще в шоке от того, какими огромными землями я владею.

Более пятисот му... "На бумаге и в реальности это ощущается совершенно по-разному. Я определенно стал крупным землевладельцем".

- Но вы также видели, что урожайность земель очень низкая, а налоги платить все равно придется, - сказал Томас.

- Как платятся налоги? - Этот вопрос Орвицка действительно не понимал.

- Весь налог, который должен уплатить Березовый город, составляет примерно 15-20 золотых гербов.

Орвицка удивился. Учитывая огромные земли и лавки, налог был настолько мал, что казался почти бесплатным.

- Так мало?

- Нет, это совсем не мало, господин. Весь доход с ваших земель составляет менее 10 золотых гербов, а доходы от лавок еще ниже.

- Лавки... сырная лавка должна быть прибыльной? - Орвицка вспомнил, как его обманули при покупке масла.

- На самом деле, пастбища в основном продают свежее молоко молочным компаниям. Непроданное молоко идет на сыр. Непроданный сыр в основном хранится, небольшая часть поставляется богатым жителям города, а большую часть зимой скупают крупные городские компании. Они немного зарабатывают, но на самом деле прибыль невелика. Однако сама возможность содержать сырную лавку - это уже показатель статуса.

Орвицка чувствовал, что не совсем понимает эту бизнес-модель, но был глубоко потрясен.

- Тогда как рассчитываются наши налоги? - спросил он.

- Это налог на торговлю, налог на безопасность, подушный налог, налог на воду, налог на скот, налог на освещение, налог на сон...

Томас перечислил более двадцати видов налогов, и Орвицка просто остолбенел.

Он понимал только первые - налог на торговлю и подушный налог. Остальные виды налогов были для него полной загадкой.

- Подождите, как это еще налог на фекалии и налог на мочу? Это значит, что за испражнения тоже нужно платить?

- Да, за испражнения на земле короля, загрязняющие землю и воздух короля, нужно платить налог.

- ... - "Раз за испражнения надо платить, то налог на сон уже не кажется таким уж преувеличением. Поборы и налоги - наконец-то я понял, что означает это выражение".

Более двадцати видов налогов в сумме. Размер налога варьировался, налоги для мужчин, женщин и детей тоже были разными. В основном, взрослый мужчина платил 20 айко, женщина - 15 айко, ребенок - от 8 до 10 айко. Всего в городе было более двухсот человек, так что действительно получалось около дюжины золотых гербов.

- Подождите, налог на торговлю разве не должны платить владельцы лавок? И вот этот, налог на скот, его же должны платить те, у кого есть скот?

- А как вы думаете? - Томас развел руками.

- Понятно... - "Все перекладывалось на плечи крестьян".

- На самом деле, это еще мало. Ведь крестьяне должны платить еще и земельный налог, налог на серп, налог на помол муки, налог на хлеб, налог на орошение...

Глаза Орвицки чуть не вылезли из орбит.

- Подождите, то есть тот налог был для обычных горожан, а этот - для крестьян? И этот "крестьянин" относится к наемным работникам или к самодостаточным крестьянам?

- К самодостаточным крестьянам и землевладельцам. И в основном он взимается в зависимости от размера земли. Впрочем, вы думаете, землевладельцы сами его платят?

Только что Орвицка понял, что такое "поборы и налоги", а теперь - что такое "жестокое правление страшнее тигра".

- Но вы только что сказали, что в этом году нам нужно заплатить всего 15-20 золотых гербов.

- Потому что вы имеете право на налоговые льготы. Кроме того, мы можем дать налоговому инспектору небольшую взятку, вы понимаете, - Томас улыбнулся Орвицке.

Орвицка понимал. И повешенный бывший мэр, должно быть, тоже понимал. "Сколько же налогов платили эти горожане, особенно крестьяне, каждый год в прошлом?"

Орвицка жалел не наемных работников, ему было страшно. Каждый раз, узнавая больше об этом мире, Орвицка пугался все сильнее. Это стало почти рутиной.

Впрочем, вскоре Орвицка начал думать о себе.

- Если наши люди будут работать в Березовом городе, им тоже придется платить дополнительный налог?

- Если они пропишутся в Березовом городе, то обязательно придется платить дополнительный налог.

- А если они будут просто работать на меня, без прописки, тогда им не нужно будет платить налог? - "Нужно сделать так, чтобы они оставались городскими жителями, а не сельскими. Это тоже разумное уклонение от налогов".

- Да, вы очень проницательны.

К пяти тридцати они вернулись в участок. Орвицка сказал Биллу Батлери:

- Вы видели мой город и земли. Урожай в этом году действительно не очень хороший, но год выдался засушливым, к тому же вы видели, сколько там работников. Так мало людей обрабатывает такие огромные земли - это уже тяжело. Вы, должно быть, видели и пастбища, за скотом ухаживают не очень хорошо. Мне действительно нужны люди. Я собираюсь разделить

землю на небольшие участки по четыре-шесть му (примерно 0.27-0.4 гектара), и, как я уже говорил, буду брать только одну десятую часть урожая в качестве арендной платы. Остальное они могут оставлять себе или продавать, но обязательно мне. Кроме того, я собираюсь осваивать новые земли. Мне не нужно столько леса, нужны рабочие для рытья каналов, ухода за пастбищами, огородами и виноградниками.

- Одному человеку всего четыре-шесть му? - Билл был действительно рад, но считал, что земли на человека выделяется слишком мало.

В Березовом городе было более двухсот му пахотной земли. Учитывая прежних наемных работников, этой земли хватило бы примерно на двадцать с лишним мужчин. Плюс люди, необходимые для других работ, - в город можно было бы поселить сто-двести человек.

Если бы это была Поднебесная, четырех-шести му земли хватило бы, чтобы прокормить семью, потому что там практиковалось интенсивное земледелие. Но в Нортонской империи было иначе. Здесь, выражаясь красиво, были большие фермы, но на деле это означало просто халатное отношение.

Орвица, осматривая земли, в разговорах с Джоном Фамилой и другими в общих чертах выяснил, как крестьяне выращивают пшеницу. Весной большинство крестьян просто разбрасывали горсть пшеницы по полю. Только самые трудолюбивые выкапывали ямки и закапывали зерна, отгоняли птиц, клюющих зерно. Они даже не удобряли землю.

Когда появлялись первые всходы, они подсеивали слишком редкие участки. Иногда даже не подсеивали, потому что землевладельцы подозревали, что наемные работники специально сеют меньше, чтобы украсть семена (возможно, работники так и делали).

Далее, до самой осени, им разрешалось выходить на поля только летом для прополки. В остальное время у крестьян оставалось только одно занятие - выживать. Сейчас, в отличие от настоящего средневековья, крестьянам не запрещали охотиться, ловить рыбу и даже собирать дикие травы. Хотя им по-прежнему не разрешалось добывать что-то крупнее полевой мыши, крестьяне хотя бы могли найти себе какую-то еду, чтобы выжить.

На самом деле, Орвицке было очень интересно, как выживали крестьяне в средневековье этого мира? Но если спросить самих крестьян, они, вероятно, и сами не знали.

- Хочешь больше есть - лучше ухаживай за землей, - сказал Орвица.

- Хорошо... - согласился Билл.

Билл ушел. Орвицка заставил себя улыбнуться. Сегодня у него и Далиана была фотосессия по случаю свадьбы, он должен был быть счастливым.

Поднявшись наверх в кабинет начальника, Орвицка увидел, что фотограф Джереми уже ждал там.

- Простите, я опоздал.

- Нет-нет, я тоже только что пришел, - Джереми действительно только что прибыл. Войдя в кабинет, он немного испугался начальника - тот выглядел очень суровым. Джереми даже подумал, не заставили ли этого патрульного с детским лицом силой? Но тут начальник участка внезапно улыбнулся ему - нежно, дружелюбно, и его лицо светилось счастьем.

"Джереми очень захотелось запечатлеть эту улыбку на фотографии и назвать ее "Счастливое противоречие" или "Магия любви" - подумал он.

В общем, он перестал бояться и с нетерпением ждал начала фотосессии.

Далиан тоже встал из-за стола. Он поправил низ униформы, застегнул пуговицы на рубашке, положил руку на ремень, сжал и разжал пальцы - он нервничал.

Глядя на него, Орвицка тоже покраснел.

В день регистрации брака они так не нервничали.

- Я могу начинать снимать? Я впервые делаю свадебные фотографии, но я обязательно постараюсь! - Джереми тут же установил свой фотоаппарат.

- Кхм! Мы... мы должны стоять вместе, да? - Орвицка подошел к Далиану, Далиан тоже вышел из-за стола.

- Нет-нет, не нужно, пожалуйста, оставайтесь на месте. Хотя объектив не может захватить вас обоих одновременно, на ваших лицах сейчас ясно написано, что такое любовь, - Джереми, хоть и не делал раньше свадебных фотографий, как новостной фотограф привык ловить моменты. Он знал стандартные позы для свадебных фото, но предпочитал использовать свой объектив, чтобы запечатлеть любовь и счастье молодоженов в этот миг.

Поэтому Орвицка и Далиан вернулись на свои места. Один смотрел на другого. Это было странное чувство. Они сами не считали, что любят друг друга, но посторонний человек говорил, что видит любовь в их поведении?

"Это любовь? Не знаю, знаю только... что хочу быть с ним".

- Хорошо, пожалуйста, выйдите вперед. Встаньте у стены, - скомандовал Джереми.

Они встали рядом у стены. Хотя Орвицка в последнее время подрос, он все еще был ниже Далиана больше чем на полголовы. Орвицку это не волновало, но, глядя в объектив, он краем глаза заметил, что Далиан стал ниже - он согнул колени?

Орвицке стало немного смешно. Он смотрел в объектив, и это странное чувство усиливалось. Он не удержался и опустил голову, чтобы посмотреть на колени Далиана - точно, согнуты. Уголки губ Орвицки неудержимо поползли вверх, и наконец он рассмеялся: - Ха-ха-ха-ха!

Он смеялся все сильнее, совершенно не в силах себя контролировать.

Далиан сначала опешил от его смеха, пока не понял, что Орвицка показывает на его колени.

"Что тут смешного?" Но Орвицка смеялся, и Далиан тоже начал смеяться, быстро переходя от улыбки к громкому хохоту.

<http://bllate.org/book/17916/1715830>